

ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ А. С. ПУШКИНА И «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Вопросу о влиянии различных жанров на своеобразную и сложную структуру «Евгения Онегина» посвящены многие исследования, затрагивающие разные аспекты поэтики романа. Отмечались несомненное сюжетное сходство, а также сходство центральных образов «Евгения Онегина» и романтических поэм — «Кавказского пленника»¹ и «Цыган»², возможные параллели между описанием жизни Онегина в Петербурге в первой главе и замыслом так называемой «комедии об игро-ке»³. Б. Л. Модзалевский обнаружил значительное совпадение мотивов первой главы романа (описание «дня Онегина») и стихотворения Я. Н. Толстого «Послание к петербургскому жителю»⁴. Постоянно встречающиеся в романе отзвуки пушкинской лирики, как прямые заимствования некоторых строк, так и сходство основных тем и мотивов проанализированы авторами комментариев к «Евгению Онегину»⁵. Одним из наиболее сложных является вопрос о взаимоотношении героя пушкинской лирики и авторского образа романа с точки зрения отражения реальной биографии поэта⁶. Воздействие же тако-

¹ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. М., 1957, с. 98—99.

² См., напр.: Тамарченко Н. Д. К проблеме романа в творчестве А. С. Пушкина («Евгений Онегин» и «Цыганы»). — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1980, с. 14—24.

³ См., напр., новейшую ст.: Фомичев С. А. У истоков замысла романа в стихах «Евгений Онегин». — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1982, с. 4—12.

⁴ Модзалевский Б. Л. Яков Николаевич Толстой: (Биографический очерк). — Русская старина, 1899, сентябрь, с. 602—603.

⁵ Бродский Н. Л. Указ. соч. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. Комментарий А. Е. Тархова в издании: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1980.

⁶ Сидяков Л. С. К изучению образа автора в «Евгении Онегине»: (Автобиографическое начало в романе). — В кн.: Болдинские чтения. Горький, 1982, с. 31—40.

го заметного в раннем творчестве Пушкина жанра, как послание, на «Евгения Онегина» усматривают главным образом в том, что особая стилистическая свобода послания способствовала созданию эффекта «болтовни»⁷, непринужденного, как бы естественного течения повествования⁸.

Думается, что вопрос о влиянии послания на роман Пушкина можно рассмотреть еще в одном аспекте. В первую очередь следует обратиться к первой и второй главам романа, содержащим характеристики Онегина, Ленского и автора, которые тесно переплетены между собой и не могут восприниматься изолированно⁹. Помимо того, что герои романа противопоставлены друг другу, каждый из них определенным образом связан с автором. Отношения между Онегиным и автором двойственны, подчеркивается то их сходство, то различие (первая гл., V: «Мы все учились понемногу...», XV: «Условий света свергнув бремя, Как он, отстав от суеты, С ним подружился я в то время...», — VII: «Высокой страсти не имея Для звуков жизни не щадить, Не мог он ямба от хорея, Как мы ни бились, отличить», XLIII: «Зевая, за перо взялся, Хотел писать — но труд упорный Ему был тошен; ничего Не вышло из пера его...», LV—LVI: «Я был рожден для жизни мирной...» и т. д.). Позицию автора по отношению к Ленскому можно считать однозначной, если исходить только из текста романа: снисходительный тон рассказа о юношеском идеализме поэта, насмешливый отзыв о его поэзии, и, наконец, нарочитая небрежность отзыва о предмете его поэзии говорят о том, что Ленский духовно чужд автору. Однако это только частично верно, так как сфера Ленского в романе, начиная с рассказа о его возвышенных иллюзиях (вторая гл., VI—X) и кончая описанием его могилы (шестая гл., XL—XLI и седьмая гл., VI—VII) полна отзвуками пушкинской лирики 1817 — начала 1820 годов¹⁰, которая в момент своего возникновения не воспринималась, разумеется, как па-

⁷ Напомним пушкинскую фразу из письма А. А. Дельвигу (16 ноября 1823 г.): «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя» (XIII, 75).

⁸ Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976, с. 150.

⁹ См., например: Винокур Г. Слово и стих в «Евгении Онегине». — В кн.: Пушкин: Сб. статей. М., 1941, с. 166—174. Ср.: Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Тарту, 1975, с. 77.

¹⁰ На это указал Б. В. Томашевский (Пушкин: Кн. 1. М.; Л., 1956, с. 551) в связи с двумя посланиями В. Ф. Раевскому, и на более широком материале — Н. Л. Бродский (указ. соч., с. 141, 256).

родийная или иронически окрашенная. Лирический герой стихотворений «Мне вас не жаль, года весны моей...» (1820), «К***» (1817), «К ней» (1817) и др. близок Ленскому как определенный культурный и литературный тип самосознания и поведения молодого человека.

Не вызывает сомнений и ориентированность образа Онегина на «демонический» характер романтической поэзии (отмеченная современниками и послужившая основанием для многочисленных упреков, так как «чистота» типа постоянно нарушалась в пушкинском романе)¹¹.

Таким образом, выстраивается линия Ленский—Онегин — автор, воспроизводящая последовательность эволюции лирического субъекта пушкинской поэзии 1817-го — начала 1820-х годов. Однако Ленского, разумеется, нельзя абсолютно отождествлять с лирическим героем элегий 1817—1820 годов, как и Онегин не совпадает полностью с байроническим героем лирики 1820—1823 годов. Помимо того, что оба эти образа окрашены авторской иронией, что их прошлое не вполне соответствует «биографии» лирического героя¹², главным фактором, изменяющим существо читательского восприятия, остается конкретность жизненных обстоятельств, в которых действуют Ленский и Онегин.

В пушкинской поэзии, предшествующей «Евгению Онегину», бытовая конкретность окружения героя и его поведения не встречается в элегиях, зато является характерной чертой адресата послания. Как важные признаки жанра послания отмечались сочетание в нем бытовых подробностей и поэтической условности¹³, большая стилистическая свобода и «домаш-

¹¹ См.: Лотман Ю. М. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин: Исследования и материалы, М.; Л., 1960, т. III, с. 131—174. Семенко И. М. Эволюция Онегина. (К спорам о пушкинском романе). — Русская литература, 1960, № 2, с. 111—128.

¹² Здесь имеется в виду отсутствие в окончательном тексте романа нескольких строк, входивших в рукописные варианты (черновой и белой): это строфа, начинающаяся стихом «Но добрый юноша, готовый...» (VI, 282—283), которая привносит в образ Ленского оттенок политического вольнолюбия и активной оппозиционности (в читательском сознании прочно закрепленный за лирическим героем ранней поэзии Пушкина), а также две строфы (частично) относящиеся к Онегину и содержащие намеки на тайную, безнадежную страсть (что тоже является неизменным мотивом в романтической лирике Пушкина).

¹³ Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974, с. 198—199.

няя семантика» слова¹⁴, особая двойственность лирического субъекта, стоящего на пороге реальности и поэзии¹⁵. Кроме этого, следует отметить и особенность структуры посланий, всегда содержащей две сферы, два композиционных центра, соотносимых с автором и адресатом послания. Неизбежно возникающие при этом отношения между двумя равноправными сферами внутри одного текста могут носить разный характер. Автор посланий еще в значительной мере ориентирован на лирического героя элегий, хотя постоянно используются только некоторые мотивы, необходимые для создания образа поэта-отшельника, а все прочие отвергаются. Но герой элегической лирики не вступает в какие-либо связи с другими объектами (обращение к возлюбленной — это всегда риторическая фигура, а не действительно подразумеваемое общение), монологичность текста способствует сосредоточению внимания на внутреннем бытии сознания. В послании же, напротив, воспроизводится ситуация общения, в которой позиции двух центров, субъекта и объекта послания, по природе своей всегда неизбежно трансгредиентны по отношению друг к другу¹⁶. Адресат является персонажем того микросюжета, который возникает в авторском сознании как специфический именно для данного лица. В посланиях 1817—1819 годов адресат все же характеризуется через *бывшие* с ним, конкретные происшествия, его место в обществе, круг знакомств (включающий и условные, и реальные имена), например, в стихотворении «Тургеневу» (1817):

Тургенев, верный покровитель
 Попов, евреев и скопцов,
 Но слишком счастливый гонитель
 И езуитов, и глупцов,
 < >
 Один лишь ты, любовник страстный
 И Соломирской, и креста,
 < >

На свадьбах и в Библейской зале,
 Среди веселий и забот,
 Роняешь Лунину на бале,
 Подъемлешь трепетных сирот;
 < >
 С улыбкой дремлешь в Арзамасе
 И спишь у графа де-Лаваль...
 (II, 40—41).

¹⁴ Тынянов Ю. Н. Пушкин. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969, с. 122—166.

¹⁵ Грехнев В. А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр. — В кн.: Боддинские чтения. Горький, 1978, с. 32—48.

¹⁶ Термин «трансгредиентность» предложен М. М. Бахтиным и означает «внеположные по отношению к внутреннему составу мира героя моменты» (М. М. Бахтин пользуется термином, взятым из книги Ионаса Кона). См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 386.

Такие подробности невозможны в авторской сфере, так как рассказ о своих занятиях автор ограничивает только определенным узким кругом мотивов, восходящим к литературному герою, лишенному острой индивидуальности; например:

«Орлову», (1819):
(Сфера адресата)

О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку;
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой пауча...

(II, 85)

(Сфера автора)

Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, ногой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов...

(II, 85—86)

Известный факт биографии Орлова, многозначительный, но все же единичный, сопоставляется с подробным описанием «идеальной обстановки», окружающей автора¹⁷. Но биографическая реалья является знаком определенной личности, заменяя, вполне эквивалентно, более подробную характеристику:

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русской генерал)
Любезность, разум просвещенный...

(II, 85)

Личность автора заслоняется условной реальностью обстановки деревенского «приюта» поэта. Лирический субъект послания, таким образом, вопреки установке на непринужденное дружеское общение, обращен к адресату самой внешней стороной своего бытия, осмысливаемого в образах предельно обобщенных, отмеченных принадлежностью к литературной

¹⁷ Атрибуты «идеальной обстановки» под рубрикой «Слова, означающие жилище поэта и связанные с ним предметы» перечислены Г. О. Винокуром, как обязательные штампы предромантической лирики: «сень, чердак, хижина, приют, шалаши, келья: <...> кров, уголок, садик, домик, хата, лачужка, огонек, калитка, кабинет, обитель, камелек» (См.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 375).

системе предромантизма.¹³ Возникает диалог двух сфер, равно трансгрессиентных друг другу. Момент противопоставления двух личностей носит искусственный характер, так как одна подчеркнута осмысливается как погруженная в эмпирическую реальность, а другая, авторская, в реальность литературную. Адресат является объектом и для автора, и для читателя — это естественно для послания, но автор, в отличие от лирического субъекта элегий, в послании тоже становится объектом. Лирический герой в поэзии элегической претендует всегда на исповедальную полноту передачи внутреннего мира поэта, автор послания сознательно предлагает адресату маску, частично совпадающую с его реальным человеческим обликом, но гораздо больше — с его лирическим героем.¹⁹ При этом работа, совершаемая автором при отборе черт, составляющих данную маску, «литературную личность», разрушает эффект предельного, стихийного самовыражения, так как предполагает отстраненный взгляд на собственное «я», исключение одних и

¹⁸ Стилистически послание более свободно, но набор мотивов, эмоциональная их окрашенность совершенно совпадают с поэзией более «высокого» тона; ср.:

От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода
(«NN <В. В. Энгельгардту>»,
1819; II, 83).

...я променял порочный двор
Цирцей,
Роскошные пиры, забавы,
заблужденья
На мирный шум дубров, на
тишину полей,
На праздность вольную, подругу
размышленья.
< >
...луг, уставленный душистыми
скирдами...
...ряд холмов и нивы полосаты...
...люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами...
< >
Здесь вижу двух озер лазурные
равнины
(«Деревня», 1819; II, 89).

¹⁹ Ю. Н. Тынянов отмечал наличие масок, «грима» в лицейской лирике Пушкина, объясняя это ее эклектичным, стилизаторским характером. Однако в ранних посланиях маска исчезает не сразу, более того, существуют несколько масок — для дружеского круга одна, для более «официальных» отношений — другая (см. послания «Жуковскому», 1818; «Из письма к Гнедичу» («В стране, где Юлией венчаный...», 1821), «Генералу Пушину», 1821 и др.). — Тынянов Ю. Н. Указ. соч., с. 128—129.

намеренную гиперболизацию других свойств характера, фактов биографии.²⁰

Эта модель отношений между автором и героем (в послании герой — адресат) оказывается очень плодотворной для «Евгения Онегина». Авторский образ, строящийся на грани двух реальностей: романной и действительной (т. е. той, в которой пребывает творец текста романа), находится в парадоксальных отношениях с этими двумя мирами. Выступая как приятель Онегина, он временно погружается в романную действительность и в этом вымышленном мире обретает свойства персонажа, становится внешним моментом по отношению к собственному сознанию. Однако именно как персонаж — приятель Онегина он наделен биографически конкретными чертами (описание воспитания героя, его петербургской жизни постоянно идет под знаком авторской сопричастности, что уже отмечалось исследователями и не пуждается в повторении), мотивы любви, деревенского усидения, бегства, изгнания в романе являются, бесспорно, своеобразными цитатами из лирики, но имеют менее условный характер. Каждый подобный «уход» в лирику сопровождается картиной, выводящей читателя за пределы авторской рефлексии: воспоминание о женщине вызывает сразу картину грозового моря или верховой прогулки, (первая гл., XXX — XXXIV); мысль о бегстве — картину венецианского вечера (первая гл., XLIII—XLIX) и т. д.²¹ Авторский образ, воспринимающийся через динамику жизненного поведения, а не только через самоанализ-отчет, — это черта, интенсивно развивающаяся в посланиях начала 1820-х годов, но в зародыше наблюдаемая и несколько раньше.

²⁰ В лирике «активность автора» не может быть «направлена на создание и обработку отчетливых и существенных *граней героя*» (Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. — В кн.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества, с. 151).

²¹ С. Г. Бочаров отмечает, что лирика автора «в романе куда эмпиричнее, необобщеннее, чем собственно лирика Пушкина» (Бочаров С. Г. «Форма плана»: (Некоторые вопросы поэтики Пушкина). — Вопросы литературы, 1967, № 12, с. 123). Очевидно, это связано не только с изменением общих стилистических установок в творчестве Пушкина, но и с усложнением авторской позиции, которая оказывается зачастую близкой позиции Онегина, а последний, герой романа, а не лирического стихотворения, окружен эмпирическими реалиями. По аналогии с «принижением» авторского образа в послании под влиянием сферы адресата можно утверждать, что введение автора внутрь романного мира способствовало значительным изменениям лирики авторского «я».

Начало этого процесса в посланиях можно отметить не в авторской сфере, а в сфере адресата. Так, в стихотворениях 1819 года «К Щербинину» и «Всеволожскому» равновесие двух центров нарушено, адресат явно преобладает. Его поведение осмысливается как типическое, вместо *припоминаемых* поступков, известных автору, описываются поступки *возможные*, например:

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупую не болен...
< >
Кто Надиньку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает,
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым заливает;
< >

Проводит набожную ночь
С молодой монашенкой Цитеры.
По утру сладко дремлет он,
Читая листик *Инвалида*...
(II, 87).

На воображаемых ситуациях строится, например, стихотворение «Всеволожскому». Оно включает и описание Москвы, дружеской пирушки, покинутой возлюбленной,— и все это возникает в авторском сознании в связи с адресатом, причастность которого подобным событиям или связь с явлениями, людьми определенного рода представляет автору повод для создания соответствующих картин. Адресат находится внутри ярко очерченного мира, что дает гораздо более точный ключ к пониманию его характера, чем прямые авторские оценки:

Балованный дитя Свободы!
< >
...верный обожатель
Забав и лени золотой...
(II, 101).

Человеческая личность адресата служит как бы толчком, материалом для создания типа, автора же интересуют законы его взаимодействия со средой, возможности проявления личности в разных обстоятельствах.

В стихотворениях «Послание к кн. Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...» (1819), «В. Л. Давыдову» (1821), «Юрьеву» («Любимец ветреных Ланс...»; 1821) поступками корректируется не только образ адресата, но и автора. Он перестает быть статическим объектом самоописания, повествование осложняется некоторыми драматическими и эпическими моментами не только в чуждой сфере, но и в авторской. Это

бросается в глаза при первом же сравнении текста двух посланий Юрьеву — 1819 и 1821 годов. Первое послание состоит из пышного набора эпитетов и сравнений, нанизанных на стержень условного образа «повесы»:

Здорово, рыцари лихие
Любви, Свободы и вина!
Для нас, союзники молодые,
Надежды лампа зажжена.
< >

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и бордель,
Где с громким смехом
сладострастье
Ведет нас пьяных на постель..
(II, 95).

Второе тоже не вполне свободно от них, но сюжетный центр сферы адресата сдвинут к мимолетной картинке, закрепляющейся в читательском сознании как момент характеристики героя:

Пускай, желаний пылких чуждый,
Ты поцалуями подруг
Не наслаждаешься. что нужды?
В чаду веселий городских,
На легких играх Терпсихоры
К тебе красавиц молодых
Летят задумчивые взоры...
(II, 139).

В авторской сфере ей соответствует другая:

С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая, .
На фавна иногда глядит.
(II, 140).

Сравнение с «фавном» и «Адонисом», очевидно, не исчерпывает личности автора и адресата, но возникающие из этого сравнения микросюжеты, скорее, просто намеки на возможный сюжет, являются эффективным приемом создания характера, дополняя собственно описательные моменты: «Любимец ветреных Лаис, Прелестный баловень Киприды...» (II, 139) (адресат); «...повеса вечно праздный, Потомок негров безобразный Вращенный в дикой простоте...» (II, 139) (автор).

Еще более очевидно вмешательство эпического начала в текст послания «В. Л. Давыдову», две первые части которого построены как ряд стремительно сменяющих друг друга эпизодов. Абсолютная нетрадиционность авторского образа в этом стихотворении объясняется именно тем, что здесь лири-

ческий субъект оказывается в необычном для него положении «деятеля», а не «наблюдателя» или носителя какой-либо эмоции. В посланиях первой половины 1820-х годов начало почти всегда неожиданное, словно читающий оказывается вовлечен в разговор, начатый без него, и слышит ответ на вопрос или упрек одного из собеседников:

...Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг... («Послание к Горчакову»; II, 139).

...Прелестный баловень Киприды —
Умей сносить, мой Адонис,
Ее минутные обиды! («Юрьеву»; II, 139).

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты... («Алексееву»; II, 228).

Это в духе поэтики дружеских намеков, недоговоренности, но несколько иного рода, чем в рассмотренных ранее стихотворениях «Тургеневу», «Орлову». Для понимания смысла происходящего нет необходимости, как в ранних посланиях, специально комментировать текст; даже малоосведомленный читатель в состоянии очертить приблизительный контур ситуации, пропускающей в тексте. Интерес сосредоточен на том, как внутри предложенной ситуации раскроется характер адресата или автора. Повествовательная энергия в таких стихотворениях, как, например, «Кокетке» (1821), «Из письма к Вигелю» («Проклятый город Кишинев!») (1823) и др. посланиях середины 1820-х годов так велика, что они по форме приближаются к стихотворной новелле.

Жанр послания в лирике Пушкина постепенно угасает, в конце 1820-х годов его образцы немногочисленны. Однако в них окончательно закрепляется принцип сочетания эпического и лирического начал, сложившийся в рассмотренный период. Ситуативная определенность, в известной мере, становится нормой и в других стихотворениях, восходящих к элегическому типу. Но послание, обладавшее с самого начала своего возникновения привилегией широкого введения «низкой» действительности в поэзию, давало больше возможностей для организации лирического текста по аналогии с новеллистической структурой.

То обстоятельство, что в лирике Пушкина к 1823 году послание складывается как определенный тип стихотворения, со-

четающий эпический и лирический моменты, надо рассматривать в связи с зарождением замысла романа в стихах, произведения двойственной природы. Кроме того, надо отметить еще один существенный момент преломления опыта послания в «Евгении Онегине». Его центральные герои, как уже сказано, соотносимы с разными моделями лирического субъекта в пушкинской поэзии, предшествующей «Евгению Онегину». Их «проверка» на материале обыденной, непоэтической действительности помогала в поиске иных путей самовыражения, формирования нового способа проявления авторского сознания в лирике.

Двухцентровая структура послания, обусловленная жанровой установкой, сближала его с нелирическими жанрами, прежде всего — романтической поэмой. Но так как в основе послания лежит не любовный конфликт (обе стороны которого в поэме имеют лирические прототипы), а некая житейская коллизия, то первоначально только адресат, а затем и автор приобретают признаки персонажей прозаических жанров — повести и романа. Они объяснены реальностью поступков и окружения, вызывающих у читателя жизненные или романтические ассоциации. Таким образом, эстетические потенции жанра послания, развернутые в «Евгении Онегине», привели к формированию важных признаков нового жанра — романа в стихах. Дальнейшее развитие их внутри послания, очевидно, ощущалось как полное разрушение его лирической природы. Пушкинское послание конца 1820-х—1830-х годов имеет совсем иную схему отношений автора и адресата, по существу мало отличную от отношений автора и подразумеваемого читателя в других стихотворениях. Художественные принципы ранних посланий послужили основой для создания системы персонажей романа в стихах.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
РИГА 1983